

Чтобы не повторилось...

Выпуск 7 (37)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МЕМОРИАЛ

МЕМОРИАЛЬСКИЕ ХРОНИКИ

СЕТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Июль 2019

В варшавском Саду Праведников увековечили память Арсения Рогинского

27 июня 2019 года в варшавском Саду Праведников прошла церемония увековечения памяти одного из основателей и руководителя Международного Мемориала, российского историка Арсения Рогинского (1946–2017), шведского дипломата Рауля Валленберга (1912–?) и польской учительницы Эвелины Липко-Липчинской (1913–2001).

С 2014 года в Саду Праведников высаживают деревья и устанавливают камни в память о тех, кто в Европе и за ее пределами спасал жизнь другим или выступал в защиту человеческого достоинства – во времена нацизма и коммунизма, массовых убийств, преступлений против человечности в XX и XXI вв. Список праведников пополняется ежегодно: соответствующее решение принимает оргкомитет под председательством Збигнева Глузы, руководителя центра КАРТА. Титул присваивается посмертно.

В варшавском Саду Праведников уже есть деревья и камни в память о Наталье Горбаневской, Анне Политковской, Петре Григоренко (полный список можно посмотреть [здесь](#)). Надпись на камне с именем Арсения Рогинского гласит: «Лидеру „Мемориала“, который – исследуя советские преступления и испытал их на себе – через память о жертвах возвращал России чувство правды и достоинства».

Камень с именем Арсения Рогинского
в варшавском Саду Праведников.
Фото: Radek Zawadzki/DSH

Верховный суд признал незаконным отказ в доступе к делу 1933 года

5 июля 2019 года Верховный суд Российской Федерации рассмотрел в кассационном порядке жалобу Георгия Шахета на решения нижестоящих судов, согласно которым ему не полагается доступа к документам его деда Павла Заботина, расстрелянного в 1933 году по «закону о трех колосках» и не реабилитированного. Жалоба удовлетворена, суд принял решение в пользу заявителя и обязал МВД предоставить Георгию Шахету возможность ознакомиться с материалами дела Павла Заботина в полном объеме. Интересы истца в суде представляют юрист Правозащитного центра «Мемориал» Марина Агальцова и юрист Команды 29 Анна Фомина.

Георгий Шахет и юристы Марина Агальцова и Анна Фомина в Верховном суде 5 июля 2019 года.
Фото со страницы Команды 29 в Фейсбуке

Доступа к материалам уголовного дела своего деда Павла Заботина Георгий Шахет добивался с февраля 2017 года. Ответом на его заявление о доступе к архивам ГУ МВД по Московской области был отказ – на основании того, что Заботин не реабилитирован. Головинский районный и Московский городской суды признали отказ законным. Ответом на заявление Шахета в Московскую прокуратуру с требованием реабилитировать Заботина также был отказ – на основании того, что человек был осужден не по политическим мотивам, а как обычный преступник. Иск в Таганский районный суд о признании этого решения прокуратуры незаконным был отклонен. Тогда юристы решили обжаловать приговор 1933 года. Чтобы обжаловать приговор, нужен доступ к материалам дела.

Практика отказа в выдаче документов на репрессированных на основании отсутствия реабилитации, а отказа в реабилитации потому, что человек был осужден по общеуголовной статье, – типична. Решение Верховного Суда по делу Георгия Шахета – важный прецедент, который может помочь и родным других репрессированных, которым отказали в реабилитации.

Мемо.ру, Сайт Международного Мемориала

Письмо пионерки Романовой Нины наркому НКВД СССР Николаю Ежову

Н иже публикуется письмо, выявленное в фондах административно-хозяйственного отдела (АХО) НКВД ТАССР. Оно от дочери ЧСИР – членов семей изменников родины, попавшей в детский приемник-распределитель. Детей забирали при аресте матери-ЧСИР по приказу НКВД СССР 00486 от 15 августа 1937 года «Об операции по репрессированию жен и детей изменников Родины».

После циркуляра НКВД СССР № 4 от 7 января 1938 года «О порядке выдачи на опеку родственникам детей, родители которых репрессированы», детей можно было «выдавать» (именно такой термин применялся во внутренней документации НКВД) родственникам, прошедшим предварительную проверку на лояльность (соответствующие документы также сохранились, бывали и отказы неблагонадежным). Большинство детей-ЧСИР, однако, уже были распределены между детскими домами двух типов: школьными и дошкольными. Дети до 3-х лет помещались в дома охраны материнства и младенцев (Матмлад) системы Наркомздрава. Таким образом, семьи разрывались, дети разных возрастов оказывались в разных детских заведениях разных ведомств. Заботой о детях это назвать трудно: попадание детей в приказы НКВД объяснялось просто: дети Страны Советов принадлежали ее руководству, и оно распоряжалось юными борцами за дело коммунизма как ему вздумается.

Детей обычно высылали в детдома других регионов страны, видимо, чтобы родственники не беспокоили. Так, из Казани детей вывози в детдома Ярославской обл., на Украину (потом они попали под оккупацию), в соседнюю Башкирию и др. места.

В детские дома ТАССР присылали детей из Москвы, г. Горького, Мордовии, Куйбышевской (Самарской) обл. и т.д. При назначении на новое место пребывания в документах НКВД фамилии и имена детей часто перевирались: Жорес становился Жоржем, Нина – Инной, Вилута – Вильдой и т.д., малолетние дети часто записывались под домашними именами (Оля - Лелей и т.д.), что, конечно, сильно затрудняло для родственников их поиски.

Т. Казань.
25/IX-38г.
Письмо вам пишет пионерка в кл. в
воспитанница Казанского дет-дома №1
Романова Нина. Дорогой Николай Ива-
нович я прошу вас прочесть мое письмо
и помочь мне, я вам сейчас все подробно
окажу. Жили мы с родителями в городе
Каменске, отец мой работал при казаль-
ника станции на ст. II Сикарская. Мать об-
ла работала учительницей в казаль-
ной школе при этой же станции. Отца
и мать арестовали, и через год арестова-
ли маму. Нас осталось четверо, мне 14
сестренке 2 года, брату 11 лет, и еще брату
4 года. Я и брат кот. 11 лет живем вместе
а брат 4 года где то недалеко около
Казани, а сестра 2 года осталась на
Финляндии. Я как просила чтобы с нами
и мать и отец арестованы мы вам
не позволим быть все вместе.

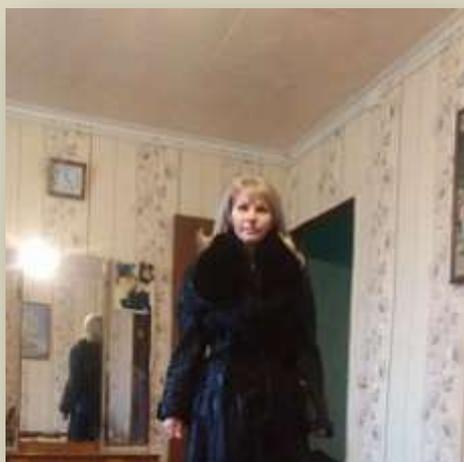
Разве дети за родителей отвечают?
Николай Иванович я думаю, что здесь
у нас нет справедливости но у вас
наверное есть она. Я бы вас попросила
чтобы вы написали мне правду ли на
детям арестов. родители неужели живут
вместе? Вам можно то напишите, прошу
как чтоб мы жили все вместе, прошу
очень вас. И еще можно нет например
мне если я выйду из дет-дома то жить
с бабушкой и взять ~~еще~~ хотя одну
двухлетнюю сестру на воспитание.
И еще у нас была корова и свой дом
это у нас все отняли. Если я выйду из
дет-дома и мне нечем жить и если идти
в ф.з.ч. то стел. 35р. тоже нужно будет,
что то кушать, одеваться, платить
за квартиру, а денег нет, то где мне
хлюпотать об том чтоб мне отдали
дом и корову. Мама общалась на 3 г.
маму на 5 лет. Я думаю что

наверное хотя когданибудь они вернут
я. Я вас об этом обо всем очень прошу
общить мне а то даже мама не отпус
кают навестить 4 летнего брата.
Моя бабушка работает 35 лет учитель
ницей и я все-таки думаю что она сумеет
воспитать сестру.
Пока до свидания с пионерским
живетам. Лина.

Через тернии, сквозь бессердечие...

Недavno мне позвонила из Обнинска беженка из Молдавии Н. Г. Плэмэдялэ: ей, наконец-то, удалось получить РВП. С большими муками пройдена еще одна ступень испытаний на пути к российскому гражданству. Наши миграционные законы сильно забюрократизированы, а по отношению к Нине Георгиевне они оказались безжалостными, глубоко безнравственными. Пыточными.

...Нина жила с родителями в молдавском селе Пухэчень. Вышла замуж за Иона, годом постарше её. В 1996 г. у них родился сын Миша. Это была трудолюбивая семья. Но сколько бы они ни трудились, заработать в Молдавии на нормальную жизнь было невозможно. В 2008 г., с 12-летним сыном, прибыли в Обнинск. Сняли жилье. Не отказывались ни от какой работы, даже той, на которую местных не заманишь никакими посулами. Были и уборщиками, и грузчиками, и продавцами, и санитарями ...

Нина Плэмэдялэ

Неустанно работали, не щадя здоровья, забывая про отдых. Понемногу копили денежки и, накопив, приобрели в 2011 г. в садоводческом товариществе «Березка» земельный участок, на котором начали строить дом, который «съедал» всё новые и новые средства, выматывал все силы. Зато к 2014 г. это было хотя и небольшое, но уютное жилье, с огородом и садом. Да и всякую живность завели...

Как они отважились на возведение собственного жилья, когда пребывали в России по миграционной карте?! Ведь через определенное время, как и миллионы других трудовых мигрантов из разных стран СНГ и Балтии, были вынуждены выезжать, скажем, на Украину и сразу же въезжать в РФ с новой миграционной картой. Потом – вновь и вновь ...И это объяснимо: семья решила навсегда остаться в России. Ибо в Молдавии – безработица, бедность, жизненный тупик.

Но случилась беда: очень тяжело заболел Ион. Трудовой мигрант, он не мог рассчитывать в РФ на эффективную медпомощь, и Нина вывезла его в Кишинев, где мужа стали лечить, где его навещали родичи. А сама вернулась на работу в Обнинск. Нужны были деньги – ей и сыну, на лечение мужа. И вдруг страшная весть: 24 сентября 2014 г. умер Ион. Она не знала что делать: не было денег поехать на похороны мужа, да и занять не у кого; вся убитая горем, с истощенными нервами и психикой, стала терять сознание. А тут еще закончился срок действия миграционной карты, не было патента и разрешения на работу.

Только 25 сентября Нина смогла выехать из Обнинска, но в этот же день была задержана у госграницы с Украиной, у с. Случёвск, на пропускном пункте «Погар» в Брянской области: обвинение по ч.1.1 ст. 18.8 КоАП РФ (нарушение режима пребывания...). В тот день на этом участке скопилось несколько сот задержанных мигрантов со всей Руси великой – с целью пересечения госграницы и сразу же обратного въезда в РФ с новой миграционной картой. Но им уже не дали сделать «выезд-въезд»: действовал новый закон, тогда толком и не разъясненный мигрантам: необходимо уже выезжать на 90 дней, и только после 90 дней пребывания в своей стране, снова можно въезжать в РФ на 90 дней. В течение года, в совокупности, только на 180 дней. Жестоко ограничительный закон.

В тот день оформить административные дела в суд на всех задержанных чиновникам иммиграционного отдела у госграницы было физически невозможно. И Нину, как и сотни других, отпустили домой, приказав явиться снова через четыре дня.

29.09.2014 г., рано утром, Нина была уже в Брянске, и мы (я ее защитник) поехали к госгранице, в с. Случёвск. Преодолев 150 км, оказались у небольшого домика иммиграционного отдела миграционной службы, где скопилось в несколько раз больше задержанных мигрантов, чем в прошлый раз. Неоднократно я просил миграционных чиновников поскорее оформить дело Нины и отвезти нас в суд, мотивируя тем, что она убита горем... Бесполезно. Очереди, при такой массовости, не было – просто выкликали по фамилии.

Прошло 8 часов в ожидании, и вот вызвали Нину. Она была подавлена, плакала... Все призывы к милосердию чиновников успеха не возымели.

В 16:00 нас повезли в Погарский райсуд за 25 км от госграницы. А там - тоже очередь. Прождали часа два. И вот – судебное заседание.

Я пытался убедить суд не применять к Нине выдворение из РФ, приняв во внимание трагедию со смертью мужа, назначить ей только административный штраф. Ведь выдворение по суду - это на целых пять лет, а у нее в Обнинске дом, хозяйство - все может быть разворовано, пойти прахом. Сколько положила она здоровья на создание своего уголка жизни!

Нет, судья оказался совсем не злодеем, сочувствуя горю Нины. Как человек, он отлично понимал ее жизненную ситуацию. Но, как служитель Фемиды, видимо, считал своей обязанностью поддерживать конвейер по безостановочному производству постановлений о выдворении мигрантов, задержанных на этом участке госграницы. В конце концов - решение: и административный штраф 2000 рублей, и выдворение...

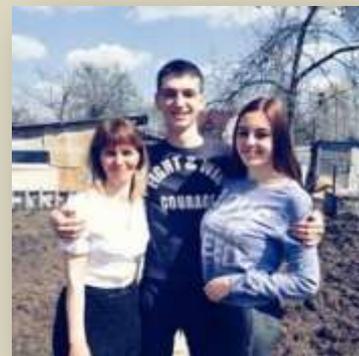
Поздним вечером мы с Ниной вернулись в Брянск.

Мы обжаловали постановление райсуда в апелляционной инстанции.

И вот – суд... В защиту Нины были предъявлены свидетельство о смерти мужа, заявления и ходатайства правоохранительных органов Обнинска, органов власти, руководства жилищной управляющей компании. Все они просили суд исключить выдворение. Просил суд и я признать несколько дней просроченной миграционной карты малозначительным правонарушением. Бесполезно. Судья настолько был жесток, что даже когда Нина в зале суда, зарыдав, лишившись сил, упала в обморок, закричал: *«Ну, хватит здесь разыгрывать спектакли! Хватит! А то сейчас вызову санитаров из психиатрички...»*

Теперь Нина обязана была покинуть пределы РФ, под контролем миграционной службы. Провожая ее в Обнинск, мы с ней обсудили план дальнейших действий. Ее сыну Мише недавно исполнилось 18 лет. Дом и всё хозяйство решено было оставить под его присмотром. Он был трудягой. Разумный, хозяйственный парень. Потом он мне неоднократно звонил в Брянск: «Спасите мою маму...»

Забегая вперед, скажу: в дальнейшем, по нашему плану, Миша, ради спасения мамы, выедет в Молдавию, обратится, с собранным им пакетом документов в Представительство МВД России в Республике Молдове (по вопросам миграции) и получит свидетельство участника Госпрограммы по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом. В это свидетельство обязаны были вписать и мать, члена его семьи. И Нина законно въехала в РФ.

Нина с сыном Мишей и невесткой Дианой

У обнинского дома Нину встретили невестка-красавица Диана с годовалым Богданчиком на руках, внуком Нины. Объятия. Поцелуи. Слезы радости...

Нина с сыном Мишей, а в колясочке - Богданчик...

Теперь внук много времени проводит с бабушкой. Миша женился на россиянке не с целью получить гражданство РФ – он и так получит его в упрощенном порядке, как участник вышеназванной Госпрограммы; Мишу с Дианой спаяла обоюдная любовь. Был бы жив Ион, как бы он возрадовался их счастью...

И вдруг – снова беда: миграционные чиновники потребовали выехать из РФ: мол, по решению брянских судов Нина выдворена на пять лет, а она въехала раньше срока. Что же делать? Слава Богу, спасла ее известная правозащитница в Обнинске, наша неугомонная, многоопытная коллега Татьяна Михайловна Котляр. Она обратилась к начальнику Главного УВМ МВД РФ, генерал-майору полиции Валентине Львовне Казаковой, и та приняла самое деятельное участие в получении Ниной статуса временного убежища.

Но эта радость для Нины тут же омрачилась сообщением калужских миграционщиков: пока из решений брянских судов не будет исключено выдворение, они не имеют права предоставить Нине РВП. Чтобы получить правильно оформленные судебные решения, мне пришлось выехать в далёкий Погарский райсуд. В архиве отыскали дело, выдали мне заверенные копии. На всякий случай - попросил по два экземпляра. И не прогадал.

Первая жалоба в Брянский облсуд на вступившие в законную силу постановление райсуда и апелляционное решение облсуда по делу Нины не была принята к рассмотрению на том основании, что в этих судебных документах фамилия Нины - «Плэмэдялэ», а в новом молдавском паспорте – «Плэмэдялэ». Судья потребовал доказать, что это одно и то же лицо. Но не ехать же Нине в Молдавию за получением подтверждающих документов?! В ее ситуации это было опасно: могли и не впустить в РФ пока не снято выдворение.

Мы подготовили в облсуд новую жалобу с обоснованием, что последнее написание фамилии – самое правильное, и это подтверждается совокупностью документов (умершего мужа, сына, невестки, внука – они все «Плэмэдялэ»). А неверное написание фамилии – «Плэмэдялэ» - ошибка переводчика, при переводе фамилии в прежнем молдавском паспорте, с английского языка на русский. Что и было доказано в суде.

Постановлением зам. председателя Брянского облсуда Андрусенко М.А. от 09.01.2019 г. из вышеназванных судебных решений исключено административное выдворение Нины за пределы РФ. Кстати, недолго ей осталось ждать и российского гражданства - собирает необходимый перечень документов.

Склоняю голову перед мужеством этой маленькой хрупкой женщины, прошедшей сквозь миграционные муки, но всё же воссоединившейся со своей семьей в Обнинске, обретшей истинное семейное счастье. И если мы, правозащитники, хотя бы немного помогли ей в этом, то мы помогли и России обрести еще одного хорошего, трудолюбивого, любящего её человека, от которого только польза нашему Отечеству, а не вред...

Татьяна Михайловна Котляр

Николай Поляков, юрист юридической Сети «Миграция и право» ПЦ «Мемориал», Брянск

Пять цитат с вечера памяти Натальи Эстемировой

17 июля, в десятую годовщину убийства правозащитницы Натальи Эстемировой в «Мемориале» прошёл вечер её памяти. Эстемирову похитили утром 15 июля 2009 года недалеко от её дома в Грозном. Через несколько часов тело правозащитницы с огнестрельными ранениями нашли на территории соседней Ингушетии, недалеко от федеральной трассы «Кавказ». Десять лет спустя убийство не раскрыто, заказчик не привлечён к ответственности. На вечере памяти родные, друзья и коллеги вспоминали, какой была Наташа.

Руководитель программы «Горячие точки» Олег Орлов

«Сегодня очень страшный день для всех нас, кто знал Наташу. Прошло десять лет, а ужас этого дня не ушёл. Про Наташу говорят очень часто — «руководитель Правозащитного центра “Мемориал” в Грозном”. Тут немножко неточность. Наташа не была формальным руководителем. По своей сущности, по своей человеческой природе она не очень была приспособлена для руководства, административной работы. Более того, она была не очень приспособлена и сама строго соблюдать дисциплину. Сколько раз мы ей говорили: “Наташа, ну куда же ты лезешь? Это же невозможно, это нарушение техники безопасности”. “Олег Петрович, ну, а как иначе? Невозможно это. Надо туда ехать и всё”. В этом была Наташа.

Наташа была не руководителем. Наташа была чем-то более важным. Она была душой и сердцем „Мемориала“. Когда в неё выстрелили — это был выстрел в сердце. После раны в сердце люди как-то, с трудом выживают. Ну вот, мы как-то выжили — с трудом, тяжело, перенося эту страшную потерю.

Наташа была больше, чем правозащитник — она была не просто правозащитник, она была тем, кого можно, наверное, образно назвать “народный заступник”. Она в принципе не могла мириться с несправедливостью. Она бросалась туда, где видела несправедливость, со всем пылом своей души, со всей своей энергией, чтобы ликвидировать несправедливость и восстановить справедливость. Понятно, что чаще всего ей этого не удавалось, но иногда и удавалось. И она поэтому кидалась на самые разные вещи. Это было не разбрасывание, это была её сущность».

Аналитик московского отделения ПЦ «Мемориал» Оюб Титиев

«С Наташей мы познакомились в 2001 году. Фактически, Наташа и привела меня в правозащитную деятельность, в “Мемориал”, в частности. Тогда, в 2001 году, летом, у нас в селе [Курчалой] была очень жёсткая зачистка. В течение пяти дней военные проводили обыски в домах, арестовывали молодых людей. Сотни человек были искалечены, ещё пять человек были взорваны. Конечно, местные власти отреагировали на это очень вяло. Наташа приехала в село. Мне довелось встретиться с ней. Мы вместе с коллегами — Александром Черкасовым, Олегом Орловым — прошли по домам всех задержанных, искалеченных. После этого ещё были арестованы восемь человек в селе. И эти восемь человек были освобождены благодаря работе моих коллег, в частности, Натальи».

Дочь правозащитницы Лана Эстемирова

«Мне кажется, мама совершенно не умела лениться. То есть она в принципе не знала, что это такое. А я этого не понимала, потому что я всегда была очень ленивым ребёнком. Меня постоянно приходилось пинать. После того, как мама возвращалась с работы — из многочисленных поездок по сёлам и по семьям потерпевших — она занималась ремонтом дома. Потому что у нас постоянно была раздолбанная квартира — со следами от пуль в стенах.

У меня есть любимая история — я осознала всю абсурдность этой истории только спустя много лет, когда начала писать книжку [«Пожалуйста, живи»]. У мамы всегда была мечта, чтобы у меня была своя собственная комната. И наконец-то у меня появилась собственная комната, она была вся в выбоинах от пуль. И у мамы была мечта, чтобы в моей комнате были фотообои с каким-то морским пейзажем, из которого выпрыгивают дельфины, где-то на пляже, окружённом пальмами. Мама говорила мне: “Лана, сейчас мы наклеим эти обои, и потом я приклею там такой пластик, как будто это окно. И каждый день ты будешь просыпаться и смотреть на экзотический пляж”.

Я была не в восторге от этой идеи, но мама настолько ею прониклась, что я просто решила забить. Я помню, мама нашла эти обои. Они были совершенно ужасного качества. Такая тонкая, тонкая бумага. Там были кусочки, нужно было, как мозаику, всё это собрать. И ещё один факт о моей маме. Моя мама, конечно, занималась ремонтом, но делала это, на самом деле, кое-как. Потому что женщине сложно заниматься всем этим ремонтом, и покраской, и обоями. Мы вдвоём клеили эти обои. В первый раз она вверх ногами приклеила этих дельфинов, и пришлось купить новые обои и опять всё это переклеить. В конце концов, поклеили эти обои. Наша кошка ободрала их на следующий день. Но мама не сдалась. Она нашла новые обои. Она их опять поклеила. И так — три или четыре раза. Она их клеила упорно, несмотря на то, что кошка их также упорно отдирала. И мне кажется, это как-то много говорит о моей маме. Она могла посмотреть на что-то уродливое и серое и попытаться это превратить во что-то прекрасное, несмотря на то, что всё было против неё.

<...>

Десять лет назад её убили. В тот день мне казалось, что моя жизнь остановилась. Я не знала, как жить дальше. Мне кажется, у меня ничего не было внутри. Моя жизнь превратилась в существование. Я уверена, что не только для меня, но и для всех коллег моей мамы. Но дело в том, что жизнь — это не фильм, не книга. Она не заканчивается трагедией или счастливым концом. Несмотря ни на что, жизнь продолжается. Десять лет спустя я очень счастлива, что я стою в переполненной комнате — люди даже стоят, не могут найти места. И все люди пришли сюда потому, что им не всё равно, и десять лет спустя они всё ещё помнят мою маму. И, знаете, хочется плакать — сегодня очень грустный день, но, почему-то, пока не получается, потому что я не могу не испытывать чувство надежды, глядя на всех вас. И мне кажется, что в тот самый момент, когда мы решим перестать бороться и поддадимся отчаянию, в этот момент мы проиграем».

Директор Центра анализа и предотвращения конфликтов Екатерина Сокирянская

«Я вспомню встречу, которая у нас была с Рамзаном Кадыровым. У нас были две встречи — я с ним виделась дважды в своей жизни. Одна была очень странной.

Мы уже понимали, что у нас конфликт с чеченскими властями. Ну, собственно, с момента назначения Рамзана Ахматовича президентом, потом главой [Чеченской республики]. Руководителя грозненского отделения в какой-то момент вызвали, напрямую намекая на серьёзные последствия. В какой-то момент “Мемориал” решил, что нужно, чтобы руководил офисом, хотя бы формально, человек не местный. И я исполняла обязанности.

В один из дней к нам пришёл представитель Кадырова и предложил встретиться с ним на телевизионной передаче “К барьеру!” Он сказал: с одной стороны буду я, с другой — “Мемориал”, а зрители будут голосовать. Если я выигрываю, то вы будете работать со мной. Других вариантов видимо, он не рассматривал. Мы как-то мягко объяснили, что “К барьеру!” — это немножко не наш формат, что мы больше за круглый стол. И тогда Светлану Алексеевну [Ганнушнику], Олега Петровича [Орлова] и меня ночью отвезли к Рамзану Кадырову. Мы провели там полночи. До трёх утра. Это, наверное, был самый странный ужин в моей жизни. Стол ломился от яств. Всё время приходили какие-то девушки, приносили какие-то чудесные блюда. Мы сидели с одной стороны, Рамзан Ахматович — с другой. Он пытался и очаровать, и напугать. Но за всё это время никто не притронулся к еде. Ни он, ни мы. Так мы и просидели несколько часов.

Основным посылом этой встречи было то, что “Мемориал” должен работать с чеченскими властями. Нам было предложено приносить информацию Рамзану Ахматовичу, а он будет сам на неё реагировать. После этого было понятно, что нам работать будет очень сложно. Потому что это не то, как работает “Мемориал”. Вечером я приехала ночевать к Наташке. Она ждала меня, не спала. Рассказала ей всё это. И мы как-то обе подумали, что, возможно, будут последствия».

Руководитель Сети «Миграция и право» ПЦ «Мемориал» Светлана Ганнушкина

«Скажу о своём первом знакомстве с Наташей. Много лет я пытаюсь вспомнить, откуда она появилась у меня дома на моём красном диване. Вот не могу вспомнить, откуда она там взялась! Она как бы материализовалась. Это было в декабре 1999 года. И она очень темпераментно рассказывала мне о том, что происходит в Чечне, как мы все обязаны немедленно этим начать заниматься, как мы должны туда ехать, как мы должны с этим работать, как мы должны работать с беженцами. В руках у неё была Ланина игрушка — розовая кошечка. А в этой розовой кошечке была отснятая плёнка того, что было в Грозном. Фотографии из Грозного. И вот из этой розовой кошечки, которую вспороли, появилась вот эта вот плёнка, и потом появились фотографии, которые дали возможность показать миру, что же происходит в Чечне.

Наташа всех нас заставляла шевелиться. Она не понимала, как можно бездействовать и что это значит “мы ничего не можем сделать” <...> Наташа — один из тех людей в моей жизни (не единственный, надо сказать), которые меня научили этому принципу нон-стоп “делай что-то, капля точит камень”. Не останавливайся, может быть, тогда что-то получится. И иногда получается. Не могу сказать, что часто. Но когда получается, это большое счастье».

Смотреть видео и фото с вечера памяти

Memohrc.org/ru, Сайт Правозащитного Центра «Мемориал»